

18+

МИХАИЛ ТИТОВ

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Михаил ТИТОВ

**Светлый путь. Повесть
временных лет**

«Издательские решения»

Титов М.

Светлый путь. Повесть временных лет / М. Титов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744123-4

Россия каких-то лет. Возможно, ближайших. Меняется всё, но в сторону
прошлого. Ударение в слове «временных» хочется поставить на первое «е».

ISBN 978-5-44-744123-4

© Титов М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Светлый путь

Повесть временных лет

Михаил Титов

© Михаил Титов, 2024

ISBN 978-5-4474-4123-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Пап, тебя надолго?.. – Марина перехватила взгляд отца и осеклась. – Ты надолго приехал?

Этот вопрос мучил ее со вчерашнего утра, с того самого момента, как она услышала в трубке телефона внутренней связи короткое отцовское: «Завтра встречай». Отец заезжал раз в год на час-два, обычно в начале зимы, когда отпускали, тем неожиданней был его приезд сейчас – в разгар лета. Там, наверняка, основные работы – сенокос, уборочная или что-то вроде того, о чем отец никогда не говорил, да и городские жители не очень-то этим интересовались. Поэтому столь несвоевременный визит Марину больше напугал, чем обрадовал.

– Да уж спрашивала бы напрямую, – улыбнулся отец, – насколько выпустили. Сутки дали.

– Что случилось? – Марина невольно перешла на шепот, покосилась на телефон и, на всякий случай, накрыла его кухонным полотенцем, которым только что смахивала со стола невидимые крошки.

– Срок загородной реабилитации заканчивается, – усмехнулся отец. – Можешь поздравить: срезали немного. Встал на путь исправления. Дали сутки вольницы, чтобы городскую социализацию пройти.

– По обязательной программе? – уточнила Марина.

– Ну а по какой же?! С моей статьей только обязательная. Так что надо будет срочно у домоуправа отметить.

– Он с десяти принимает, – Марина выдохнула с некоторым облегчением. Отец, вроде, в самом деле переменялся. – Есть еще время.

Она зачем-то подошла к окну и выглянула на улицу. Ничего странного или подозрительного Марина не заметила: у подъезда никто не околачивался, прохожих по нынешней жаре, а пекло этим летом, на удивление, вторую неделю и с раннего утра, было мало, да и те не шли, а почти бежали, чтобы как можно скорей миновать этот прожигаемый солнцем голый участок проспекта. Марину слегка смутила пара рабочих в синих спецовках на крыше соседнего дома. Ей показалось, что они слишком долго курят, да еще и поглядывают в их сторону. Но когда увидела, что один из них, обвязанный веревкой, стал спускаться по стене, успокоилась. На уровне пятого этажа висела поблекшая кумачовая растяжка «Обеспечим самостоятельность!». На последнем квартальном собрании Марина сама вместе с остальными квартировладельцами голосовала за то, чтобы поменять этот лозунг дня, продержавшийся больше года, на более актуальный. Тогда много спорили. Вариантов было несколько: домоуправ предлагал, нажимая на то, что там рекомендовано, «Россия – вперед!», кто-то из активистов – со ссылкой на международное положение – подкинул «Вместе победим!», но остановились на «Вместе мы – сила!» Почти месяц ушел на утверждение этого варианта в районе: там следили, чтобы наглядная агитация в кварталах не дублировалась. Потом еще месяц – как положено по закону о равной конкуренции – на конкурсные процедуры. И вот наконец-то – собрание было еще по весне – напротив должен появиться новый ободряющий призыв.

– Вместе мы – сила! – прошептала Марина себе, а для отца погромче добавила: – Меняется жизнь.

Чай пили молча. Хотя Марина и повторила несколько раз, что берет только краснодарский первого сорта, выращенный в рамках программы самодостаточности, отец на это никак не откликнулся. Помешивал хлипкий желтоватый настой, вылавливал ложкой кусочки веток, сплевывал в ладонь заварку.

– Сережа когда придет? – наконец спросил он.

– Лагерь до четырех, – ответила Марина.

Отец как-то странно посмотрел на нее:

- Какой класс?
- Третий закончили, пап. Четвертый считай. Забыл?
- А лагерь – это что, обязательно? В прошлом году вроде такого не было?
- С этого года ввели. Летний воспитательный курс называется, – Марина почувствовала себя виноватой, словно отец упрекнул ее в том, что она не занимается ребенком. – Это необязательно, но управление образования рекомендовало. Тем более, все бесплатно. Их там и кормят, и развлекают, и книжки читают, поделки всякие. Ты же помнишь, в наше время такого не было.
- В ваше время много чего не было, – подхватил отец. – А уж в наше...
- Пап, только не начинай! – Марина ударила по столу ладонью. – Я прошу.
- Домоуправление там же? – отец отодвинул кружку с недопитым чаем и встал из-за стола.

2

– Василий Петрович, значит? Иванов? – домоуправ, крепкий мужик в зеленом форменном пиджаке с капитанскими погонами, сверял паспортные данные с записями в домашней книге, иногда поглядывая на черный экран роснановского планшета: тот был безнадежно мертв. – Значит, к дочери вселяетесь?

– А вы в базу зайдете, – Василий Петрович кивнул на планшет. – Письмо еще позавчера отправляли, сегодня точно должно быть.

– А это уже не ваше дело, гражданин Иванов, – оскорбился домоуправ, – указывать мне, куда заглядывать. И загляну, если нужно будет. С вашей-то 201 бис 4 помалкивали бы, пока снова на реабилитацию не отправили.

Василий Петрович только улыбнулся: статья хоть и из категории тяжких, но все же бис не семерка и уж тем более не десятка, по которым загородная реабилитация могла и до самой смерти затянуться где-нибудь у китайской границы или арктического побережья. По его четверке, если не было отягчающих, судья обычно накидывал от пяти до семи лет реабилитационных баз в тысяче километров от Возрожденной Столицы, которой десятилетие назад назначили город Владимир. А там – при хорошем поведении, и главное, при прохождении полного курса физического и духовного очищения, можно было рассчитывать и на досрочную социализацию, а потом и на полную вольницу с испытательным сроком. Правда, сама новая столица была для таких, как Василий Петрович, закрыта, старая, впрочем тоже, а вот вторая – в силу ее приграничного положения – реабилитантов, прошедших все этапы социализации, пока еще принимала.

– Сколько уже реабилитируетесь? – домоуправ постучал по планшету, словно у него спрашивал. Планшет не реагировал ни на голос, ни на стук.

– Седьмой год заканчивается, – отрапортовал Василий Петрович. – Точнее – шесть лет, семь месяцев, двенадцать дней. Сейчас отпущен на сутки для прохождения первого этапа городской социализации.

– Другое дело, – оттаял вдруг домоуправ. – Значит, встали, гражданин Иванов, на общий путь, осознали, что не надо так вот грязно как вы о Родине?!

– Как не осознать после... – Василий Петрович попытался подыскать точное определение, но ничего лучшего не нашел, кроме как: – после крепкой разъяснительной работы.

– Это вам по новому уложению насчитали? – уже доверительно спросил домоуправ. – Или еще старое успели захватить?

– Старое захватил, по новому сейчас так уже не реабилитируют.

– Ну, вам, может и не помешал бы еще годик-другой реабилитации, – домоуправ насупил брови, – для закрепления, так сказать, материала. Ну да я вам не прокурор и не судья. Там-то видней, – он кивнул головой на потолок. – С программой социализации знакомы?

– Знаком, – подтвердил Василий Петрович. – Вот распечатка, – он вытащил из кармана брюк смятый лист и в таком виде протянул его капитану.

– Оставьте себе, – поморщился тот. – Я все равно обязан вам напомнить распорядок. Значит, слушайте. Программа первого этапа городской социализации. Суточная. Первое: отметка по месту пребывания, это, считайте, почти прошли, далее – ознакомительный кинопоказ «Страна сегодня», направление я вам чуть позже выдам, встреча с коллегами и друзьями, это в рамках восстановления прежних связей, там же – в кинотеатре «Ударник». В обязательной программе – культурное и промышленное богатство страны: Музей национальной культуры и завод – на выбор. Мы обычно предлагаем телевизионный или танковый, оплоты нашей экономики. Сюда, конечно, не всех, но с вашей статьей, в порядке исключения, так сказать. В принципе, и на свой вкус можете. Список большой.

– А что еще есть? – поинтересовался Василий Петрович.

– Фармацевтический, два автомобильных – свои машины выпускаем, не хуже, чем там, лакокраочный, хлебобулочный, консервный, – начал загибать пальцы капитан, но остановился, что-то заподозрив. – Вам все перечислять? Промышленность восстановилась, сейчас все работает. Ну так что?

– Мне все равно, – развел руками Василий Петрович. – Куда скажете.

– Я смотрю, оптимизма у вас не прибавилось, гражданин Иванов. Ладно были бы вы Иваненко или Ивановский какой, но с вашими-то корнями? – домоуправ полистал анкету: – Петербуржец, Выборгская сторона, родители – инженеры, образование высшее, профессор. Советскую власть застали, – оторвался он от папки. – И туда же? Вслед за этими, национал-предателями? Мы, между прочим, сейчас все лучшее из СССР восстанавливаем. Страну строим, можно сказать, заново. На своей почве. А вы? Должны понимать, в конце концов, и международную ситуацию.

– Я все понимаю, – Василий Петрович начал уставать от этого разговора. Нестройная логика домоуправа была ему знакома и потому скучна. – Давайте по традиционной программе – телевизоры или танки. Я согласен.

– На что в итоге?

– Давайте телевизоры.

– Ну, это не совсем телевизоры, – уточнил капитан. – Но вам понравится. Да и выбор правильный: на танковом и побить могут. Народ там простой, за словом в карман не лезет. Особенно, если... Ну да ладно...

– Это все? – Василий Петрович пропустил мимо ушей прозвучавшие угрозы, сейчас ему важнее было знать: успеет ли он при таком наборе застать внука неспящим.

– В девять – квартальное собрание. В Красном уголке домоуправления. После собрания выдам вам заключение.

– Сопровождение будет? – решил на всякий случай уточнить Василий Петрович.

– Мы в демократическом государстве живем, – оскорбился домоуправ. – Мы доверяем нашим гражданам, даже оступившимся. Так что – самостоятельно, на то она и социализация. Но куратор у вас будет, – после паузы добавил он.

Василий Петрович кивнул, как будто и не ожидал услышать ничего иного. Домоуправ скороговоркой поздравил с началом первого этапа городской социализации. Вручил Василию Петровичу справку, удостоверяющую это, направления в кинотеатр «Ударник» и Музей национальной культуры и пропуск с прямоугольным штампом: «Телефабрика. Зона доступа 1».

– Вечером ждем вас в Красном уголке на собрании. В девять начало, не опаздывайте, – сурово проговорил он и демонстративно устался в черный квадрат планшета, всем видом показывая, что на сегодня разговор окончен.

Как только за посетителем закрылась дверь, капитан нажал на кнопку телефона внешней связи.

– Баб Дусь, реабилитант на программе. Список у вас есть. Установите наблюдение по всему маршруту.

3

В кинотеатр «Ударник» Василий Петрович направился сразу из домоуправления. Он пытался вспомнить, сколько туда идти пешком, с девяти утра общественные ПАЗики с маршрута снимали: в городе действовал режим экономной заботы, навскидку выходило минут тридцать. Получалось, что он попадал впрытик к началу сеанса. На телефон внутренней связи позвонила дочь, он перечислил, что должен сделать сегодня.

– Сережа звонил, о тебе спрашивал, – сказала она.

– Теперь только после собрания с ним увидимся, – вздохнул Василий Петрович. – Часов в десять закончится? – уточнил он.

– Может и затянуться, – не обрадовала его дочь. – От батюшки зависит.

– От какого батюшки? – удивился отец.

– Папа, как ты отстал! В прошлом году еще ввели. Укрепление духовных скреп называется. Приходит батюшка наш квартальный. Вначале общая молитва, потом домоуправ докладывает о международной обстановке и внутреннем положении или программу «Время» смотрим. Потом батюшка исповедует. Исповедь может затянуться. Смотря сколько неисповеданных будет.

– Исповедуют разве не в церкви?

– Это и есть укрепление духовных скреп. Можешь утром в церкви исповедаться, а можешь вечером в Красном уголке. Кому как работа позволяет. Бездельников в стране нет. Да и мне кажется, что так демократично. У каждого есть выбор.

– Марин, ты это сейчас серьезно? – не выдержал отец, но связь тут же прервалась, и вместо ответа Василий Петрович услышал короткие гудки.

– Сынок, сумку не донесешь до уголовного? – Василий Петрович не сразу понял, что обращаются к нему. Его и сорок лет назад никто сынком не рискнул бы назвать: был он высок и плотен, и даже в те свои двадцать с небольшим выглядел гораздо старше. Он ожидал увидеть классическую советскую или раннероссийскую старуху – в наряде, который и шушуном, и зипуном можно окрестить, потому что непонятно какое тряпье намотано, такому и определения нет, но перед ним стояла молодая женщина лет пятидесяти – в цветастом русском сарафане, с аккуратно уложенными волосами и легким летним макияжем. У ее вполне еще стройных ног – не по нынешней жаре обтянутых светло-коричневыми колготками – стояла огромная клетчатая сумка, такие когда-то прозвали челночными.

– Вы это мне? – насторожился Василий Петрович.

– Ну а кому еще?! Мне только вон до того гастронома помочь, – показала женщина направление. – А там я сама уже.

Василий Петрович подхватил сумку, она оказалась не настолько тяжела, чтобы просить о помощи, и, обойдя женщину, зашагал вперед. Магазин был в другой стороне от кинотеатра, поэтому надо было поторапливаться, чтобы не опоздать на сеанс.

– Да не торопитесь вы так, – догнала его просительница. – Я же на каблуках.

Она пристроилась сбоку и какое-то время шла молча, искоса поглядывая на Василия Петровича.

– Мне кажется, я вас знаю, – наконец-то сказала она. – Вы в Агентстве натурализации сограждан из Средней Азии не работали?

Про то, что в его городе появилось такое агентство, Василий Петрович услышал впервые. Общегосударственные газеты до его реабилитационной базы доходили с запозданием недели на две, на руки реабилитантам их не выдавали, а то, что зачитывалось на ежедневных инфопятиминутках, представляло собой цитатник Глав: выступил с речью (аплодисменты), отметил сложность международной обстановки (аплодисменты), у страны особый путь (овации), мы

самодостаточное государство (бурная овация). В те редкие дни, точнее часо-дни (а их надо еще сверхнормовыработкой заслужить), когда его отпускали на побывку к родным, было вообще не до политики – ни внутренней, ни внешней. Погружаться в этот новый мир не хотелось. Хотелось простой спокойной, домашней жизни на старости лет: погулять/поиграть с внуком, послушать его рассказы, фантазии и страхи, посидеть рядом, когда он ложится в постель, в общем, ощутить родственность и надежду, чего от дочери он давно уже не ждал и даже не надеялся получить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.